

Линия интуиции и чувства

На вопрос: «какая художественная программа у вашего театра?» – Петр Наумович Фоменко обычно пожимал плечами: «а черт его знает!». Притом, что художественная программа у его театра была не только строго продумана и выстроена, но отличалась редкой цельностью. Сергей Женовач, вслед учителю, также не склонен к манифестам, изложениям творческого кредо, публичным выступлениям на тему «как нам реорганизовать Рабкрин», то бишь МХТ. При этом любой непредвзятый наблюдатель может убедиться, что линия жизни театра последние три сезона чертится уверенно, последовательно, убедительно. В афишу возвращаются значимые, опорные авторы и названия, строящие Художественный театр: «Чайка» Чехова, «Бег» Булгакова, «Месяц в деревне» Тургенева... Возвращаются Достоевский и Олеша.

«Месяц в деревне», где сено мокнет под дождем

Постановка «Месяца в деревне» на сцене МХТ 1909 г. вошла в историю театра как образцовый исторический спектакль. Верочка Лидии Кореневой – «совсем старинная девушка». Константин Станиславский – Ракин – «человек другого века, почти другого мира». Эпический покой дворянской жизни ощущался и в игре актеров, и в дивных декорациях Мстислава Добужинского: диванная комната, пейзаж в окне с ампириной дальней церковкой и зеленой садовой скамейкой. Театр сумел воссоздать ритм этой другой, пленительной в своей неспешности жизни, где кружево чувств плетется прихотливо и прочно. Страсть может захватить Наталью Петровну Ольги Книппер, однако, как отмечал критик премьеры, «тут властвует какая-то высшая нравственная сила... Наталья Петровна может оступиться, но сокровища души своей не потеряет»...

Спектакль Егора Перегудова, поставленный 111 лет спустя после той, легендарной, мхатовской премьеры, вынесен из домашних интерьеров в чистое поле под дождливое небо. Тургеневские персонажи тут не хозяева, а случайные гости, закинутые в деревенскую жизнь вердиктом доктора. Наталье Петровне – Наталье Рогожкиной рекомендовано для успокоения нервов пожить на чистом воздухе. Остальные ее сопровождают.

Раздвигается занавес и ахает зал. Сценограф Владимир Арефьев и художник по свету Дамир Исмагилов сотворили на сцене МХТ натуральное в каждой соломинке русское полюшко-поле со свежескошенным сеном (дурманый полузабытый запах плывет со сцены). Над бескрайним полем нависло низкое хмурое небо, которое плачет дождем – то притихая, то усиливаясь, дождь аккомпанирует симфонии разыгравшихся чувств.

Поначалу (до раскалившихся страстей) на вольном просторе домочадцы Натальи Петровны и она сама упорно занимаются рекомендованной зарядкой. «Дышим на счет раз-два-три», – командует неутомимый доктор Шпигельский – Павел Ворожцов, фактотум спектакля, выполняющий и формирующий желания, явные и тайные. На «раз-два» бодро приседают его пациенты, старательно пытаясь вести исключительно «Здоровый Образ Жизни». Только вот полевая жизнь вокруг них с рекламной идеей своего здорового образа соотноситься никак не желает. Ну, какой ЗОЖ может быть в деревне Гадюкино, которую вот-вот смоят дожди? Какой ЗОЖ среди пустынных полей мокнущего

«Месяц в деревне». МХТ им. А.П. Чехова. Сцена из спектакля.
Фото А. Иванишина

и одурающе пахнущего чем-то настоящим сена? Какой ЗОЖ возможен среди распахнувшегося пространства, провоцирующего улететь далеко-далеко (хотя мокрые крылья полету не способствуют)?

Воздушный змей-дирижабль Беляева – Кузьмы Котрелева стелется по-над землей, не в силах воспарить. Фейерверк, который так старательно готовился ко дню Наташи Петровны, обернется белым дымом. А любовная лихорадка приведет хозяйку дома и гувернера ее сына в стог сена. Очень трудно сохранить достоинство и грацию, выбираясь в мокрой рубашке из сена на глазах ничего не понимающего мужа и все понимающего друга дома. В растрепанных чувствах, роняя предметы туалета, убегает Наталья Петровна домой. А между Аркадием – Александром Усовым и Ракитиным – Эдуардом Чекмазовым разворачивается одна из лучших сцен спектакля.

Мокрые мужики, похожие на натуральных мокрых петухов, выясняют отношения. Смешной хлопотун Аркадий пытается объяснить своему утонченному до цинизма другу детства, что он понимает: Наташу не любить невозможно, и Ракитин, конечно, ее любит. К тому же Ракитин ей куда больше подходит, чем он, Ислаев. Так что – будьте счастливы. Ракитин решительно отнекивается, боясь сказать больше, чем нужно. Ты смотришь на этих двоих – комически-смешных, нелепо размахивающих оружием, слушающих и не слышащих друг друга – и вдруг понимаешь,

«Месяц в деревне». МХТ им. А.П. Чехова. Сцена из спектакля.
Фото А. Иванишина

что давно не видел на сцене людей благородней, чище, нравственнее. «Я не достоин Наташи, но не могу без нее жить. Никак не могу», – среди комической сцены ты чувствуешь, как перехватывает горло. А комизм действует, как та самая кислота на старую монету, счищая патину столетнего пафоса...

Персонажи старого мхатовского спектакля были неотделимы от универсума, выстроенного Добужинским. Казалось, тургеневские люди увидены глазами Ракитина (постановщик спектакля ровно эту роль себе и выбрал), который с нежностью влюбленного разглядывал и обожаемую женщину, и всех обитателей ее мира. На персонажей «Месяца в деревне»–2020 режиссер смотрит взглядом пронизательного циника доктора Шпигельского, который «всех насквозь видит», все про всех знает и понимает. И про юного Беляева – Кузьму Котрелева, который «свеж как редис и незатейлив как грабли». И про угрюмую тяжеловесную влюбленность Большинцова – Александра Семчева. И про первые томления девичьего сердца шальной девчонки Верочки – Надежды Калегановой. И про любовную лихорадку больной нервами Натальи Петровны – Натальи Рогожкиной... Он отлично понимает, как неуместны и смешны эти горожане «на плэнере» с их зонтиками, резиновыми сапогами, вечно мокрыми подолами городских платьев. Тут сено гниет под дождями, а они всё в любовных хитросплетениях барахтаются.

«Месяц в деревне». МХТ им. А.П. Чехова. Сцена из спектакля.
Фото А. Иванишина

Хотел ли Егор Перегудов взглянуть на тургеневских персонажей глазами своих современников? Скорее, герои Тургенева становятся для постановщика лакмусовой бумажкой, по которой можно проверить и себя самого, и выстроенный нами же мир.

«Заговор чувств», когда «страна встает со славой на встречу дня»

Если Егор Перегудов поверяет наше время эпохой гармонии и тишины, то Сергей Женовач обратился к временам разлома и строительства – к эпохе нэпа. «Заговор чувств» Юрия Олеши Художественный театр в пору написания упустил – пьеса была поставлена вахтанговцами. Без малого сто лет спустя Сергей Женовач к ней вернулся.

Александр Боровский выстроил на сцене сказочный фанерный занавес, разрисованный в духе супрематистов. Взлетают вверх деревянные панели, открывая разные части деревянной лестничной конструкции. Красные вертикали задают стремительный ритм и отсылают к конструктивистским декорациям середины 1920-х гг. (прежде всего, к гениальному «Великодушному рогоносцу» Всеволода Мейерхольда – Любови Поповой). Звучит песня о стране: «нас утро встречает прохладой, нас ветром встречает река». Поднимается деревянная панель и мы становимся свидетелями жарких любовных выяснений соседей по

коммунальной квартире. Он – юный влюбленный студент (Павел Филиппов – студент 3 курса Школы-студии МХАТ). Она – соседка Елизавета Ивановна (Юлия Ковалёва). За стенкой зовет Лизу нетерпеливый муж. А оставленного одного в коридоре влюбленного странный одутловатый человек с подушкой – Иван Бабичев – Артем Волобуев – уговаривает резать соперника. Но влюбленный не собирается пополнять ряды мстителей «за поправленные права старого мира сильных чувств».

Панель опускается. Поднимается следующая. На самом верхнем пролете лестницы монументальный Андрей Бабичев – Михаил Пореченков делает утреннюю зарядку. Задрав голову, за его спортивными экзерсисами наблюдает шуплый Кавалеров – Алексей Краснёнков и с хохотом следит за эксцентричным действием зрительный зал. Роскошный мужчина в черных семейных трусах и белой майке-сетке кокетливо едва шевелит ножкой вбок (раз-два-три). Чуть-чуть прогибает поясницу. Отжимается на пару сантиметров, чтобы – не дай Бог – не утомить себя, любимого. И все это – под громовой самодовольный комментарий («Ох, батюшки, я дома зарядку точь-в-точь так делаю!» – захлебывается от смеха импозантная зрительница на моем ряду).

Меняющиеся сцены чем-то напоминают открывающиеся на экране компьютера авторские блоги – каждый из которых представляет свой отдельный и замкнутый мир.

Мир коммуналки. Мир квартиры вдовы Прокопович, которую с острой характерностью играет Юлия Чебакова. Именно здесь обитает Кавалеров, мечтающий вырваться отсюда на простор славы (хоть и констатирует, что в этой стране добиться славы – нереально).

Наконец, мир монументального Андрея Бабичева, центральной фигуры пьесы и спектакля. Андрей Бабичев – воплощенный кошмар Юрия Олеши, который он пытался принять и полюбить. Гениальный колбасник с героической биографией, могучим физическим и психическим здоровьем и неутомимой деятельной энергией. Его цель жизни проста и осязаема – добиться такой телячьей колбасы, чтобы в ней было 75 процентов мяса, а себестоимость обходилась в четвертак (пока получается в 35 копеек). Андрей Бабичев нависает как скала над неприкрашенным поэтом Кавалеровым – *alter ego* автора. Он обесценивает его образованность, все его способности к изысканным рифмам и небанальным сравнениям. Андрей Бабичев не знает, кто такая Офелия, а узнав, сетует, что это имя не годится для названия колбасы. В пьесе Андрей Бабичев – прекрасен (и отчасти ужасен). На сцене МХТ

«Заговор чувств». МХТ им. А.П. Чехова. Сцена из спектакля.
Фото А. Иванишина

Михаил Пореченков играет остроумную и яркую пародию на любимого и ненавидимого героя Олеси (а заодно и веселую пародию на собственные роли брутальных суперменов). Эта вышучивающая, расколдовывающая от морока интонация – главная удача спектакля Сергея Женовача. Особенно хороши сцены Андрея Бабичева с Соломоном Шапиро – Авангардом Леонтьевым, где два мечтателя обмениваются своей нетерпеливой, искренней мечтой ЯВИТЬ МИРУ НОВУЮ КОЛБАСУ!!!

И ведь сидя в зале, понимаешь, что всепоглощающая страсть к «колбасе Четвертак» ничем не хуже стремления создать новый бомбардировщик, или новую этику, или новое искусство пост-пост-пост... Лопаящаяся от сала, пахнущая специями, сочащаяся свежестью колбаса наглядна, убедительна, вещественна, в отличие от никем не виденной «машины, которая умеет все» Ивана Бабичева. Победа в развернувшейся идейной борьбе братьев изначально предрешена. И свою награду победитель получит.

В качестве награды за победу выступает юная и прекрасная девушка Валя. Для автора именно эта девушка, похожая на «ветвь, полную цветов и листьев», символизирует юную страну и счастливое грядущее. За ее внимание бьются и Иван Бабичев, устраивающий шествия мстителей за старый мир, и Кавалеров, мечтающий о славе и получивший от Андрея Бабичева предложение заняться рекламой фабрик-кухонь.

М. Пореченков – Андрей Петрович Бабичев, А. Леонтьев – Соломон Шапиро.
«Заговор чувств». МХТ им. А.П. Чехова

В спектакле Валя – Софья Райзман – модная девушка (в платьях в стиле 1920-х гг.), с металлической ноткой записной активистки в голосе. Ей очень хочется не столько в постель к Андрею, сколько вместе с ним на трибуну, где она сможет кидать лозунги о высвобождении женщин из домашнего рабства и о грандиозной роли в этом процессе фабрик-кухонь и колбасы «Четвертак».

Нового идола – розовую, пухлую палку колбасы – вынесут на сцену под аплодисменты. Когда же Иван Бабичев в последней попытке протеста бросит колбасу с лестницы вниз, ахнет не только толпа на сцене, но и зрительный зал.

Кстати, с приходом Сергея Женовача мхатовский зал начал меняться: помолодел, поумнел, стал ощутимо начитаннее, литературно-образованнее. Через два года Художественный театр будет праздновать свое 125-летие (дата для всей русской культуры по-особому значимая). И – хочется верить, что к нему он подойдет промытый дождем, пахнущий свежестью, отремонтированным всерьез, а не косметически, с новой афишей вернувшихся и вновь открытых имен.